
Некоторые проблемы этнополитического развития регионов России. 1920-е гг.

Аверченко И. П.

В статье на основе оригинальных архивных и других источников рассматриваются этнополитические проблемы развития национальных меньшинств и народов Сибири, противоречия их социальной и культурной модернизации в 1920-е годы.

Ключевые слова: национальные меньшинства, народы, советское самоуправление, образование, Сибирь, власть

The article considers ethnopolitical problems in development of Siberian national minorities and nations, social and cultural contradictions in 1920th modernization. Material is based on authentic archives and other sources.

Key words: national minorities, nations, Soviet self-administration, education, Siberia, authority

В составе РСФСР в 1926 г. насчитывалось 10 автономных республик и 12 автономных областей. При этом для многочисленных национальных меньшинств проводилась большая организационно-политическая работа, чтобы воплотить лозунг национального самоопределения создавались национальные сельсоветы, другие структуры управления и самоуправления. Так, в октябре 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». Предусматривалась следующая система местного самоуправления:

родовые собрания всех членов ватаги, наслега, улуса и т. п. и избираемые ими советы (управления) с правами юридического лица, районные туземные съезды представителей родственных этнических групп и избираемые ими исполкомы советов. Их компетенция не распространялась на деятельность хозяйственных, торговых и других организаций, расположенных на данной территории, а ограничивалась делами коренного населения. В соответствии с обычаем, органы управления занимались и судебными делами. Каждому родовому совету (в него входили 3 человека) присваивалось название, связанное с этнонимом, местом обитания или кочевания.

Краевым, областным и городским исполкомам разрешалось по согласованию с Комитетом Севера при необходимости отступать от установленного в положении порядка. Это относилось к Архангельской губернии, автономной области Коми, Уральской области, Сибирскому и Дальневосточному краям, Бурят-Монгольской АССР [1]. Глава СНК и ЦИК Бурят-Монголии М.Н. Ербанов предложил в ходе нового районирования республики пересмотреть и перестроить хошуны и сомоны по строго национальному признаку, смешанные органы самоуправления допускать лишь в исключительных случаях, т.к. они ведут «к политике русификации, затиранию бурятской части русской, фактически к внедрению русского языка на собраниях, митингах и пр. Все это ведет к отрыву бурят-монгольской массы от власти» [2].

Между тем, в республике 220 сельсоветов работали на русском языке, 91 — на бурятском, 33 были смешанными. В хошунных волисполкомах на русском составляли документацию 44, смешанных было 12. В 7 аймачных уездных исполкомах работали на русском, 2 были смешанными. Центральные учреждения автономии работали только на русском языке. При этом во всех сомонных советах и хошунных исполкомах, ведавших исключительно бурятским населением, работали также буряты. В сельсоветах с преобладающим русским населением были русские работники, в районах со смешанным населением смешанным был и состав работников советов. В автономии 41,2% населения составляли буряты, 55,2% — русские, проживали также 2796 тунгусов, 4407 евреев, 3125 татар, 2129 украинцев, 1352 поляка. На местах с учетом конкретной специфики распоряжения центральной власти применяли дифференцированно. Министерство по делам национальностей ДВР еще в 1921—1922 гг. провело организацию советов и кооперативов на севере Бурятии у эвенков [3].

2 и 14 ноября 1926 г. состоялось совещание националов от 17 республик и областей России, членов ВЦИК и ЦИК СССР (всего 50 чел.). Обсуждались взаимоотношения РСФСР с входящими в ее состав автономиями. В тезисах Комиссии по строительству РСФСР, национальных республик и областей говорилось: «... система заготовляющих органов лишена всяких организующих хозяйство начал и приспособлена исключительно к выкачке сырья и накопления наибольшей прибыли.

...Земельный вопрос не урегулирован во многих республиках и областях (Казахстан, Башкирия, Бурят-Монголия, автономные области Северного Кавказа, Калмыкская область)... Неурегулированность межнациональных земельных отношений приводит: а) к усилению тенденции решения земельных столкновений в пользу пришлого населения в виде попыток: пересмотра «земельной реформы» в Казахстане, закрепления арендуемых у коренного населения земель за пришлыми

в Башкирии, Бурят-Монголии, Калмыкской области, неприятия мер против самовольного переселения; б) сохранению неуверенного, неустойчивого настроения в массах коренного, к стремлению и реставрации старых отношений со стороны пришлого населения, что порождает общее настроение выжидания, а не окончательного успокоения обеих групп; в) к замедлению процесса отношения и перераспределения земель по трудовому принципу среди коренного населения».

Совещание предложило добиться реально-го отражения нужд и потребностей национальных окраин в госбюджете РСФСР; закрепить в конституции расширение законодательных прав автономий, увеличить их представительство во ВЦИКе и его Президиуме, а также националов в хозяйственных органах РСФСР (создание национальных секций); обеспечить на деле коренизацию местных аппаратов [4].

В Сибири районирование проводилось позже, отличались темпы работы с меньшинствами, а также больше учитывалось обычное право. Двухязычие работников волостных советов стимулировалось слабо — в 30 руб. оплачивалась работа на одном языке. Режим экономии оправдывал отказ создавать национальные бюро в ВЦСПС, а специальной профсоюзной работы с меньшинствами не велось [5].

В отдаленных районах меньшинством иногда оказывались русские. Так, в Танну-Тувинской республике, тогда не входившей в состав СССР, со 100 тыс. тувинцев около 18 тыс. русских создали самоуправляющуюся трудовую колонию — РСТК. Сельсоветы здесь имели те же недостатки, что и на советской территории: бюрократизм, формальное отношение к делу, бесконтрольное расходование средств, присвоение земельными обществами административных функций (штрафы и взыскания) и т. п. Из-за дефицита кадров и малочисленности учеников 9 из 32 школ было закрыто, а в столице — Кызыл-Хото действовали русский сельсовет и школа 2-й ступени (7-летка). Смешанная земельная русско-тувинская комиссия погрязла в конфликтах по поводу использования пахотных

угодий в ущерб интересам той или другой этнической группы, обратившись за помощью в консульство СССР [6].

По инициативе Комитета Севера и Наркомторга осенью 1927 г. секретариат ВЦИК предложил Наркомзему издать циркуляр о привлечении к уголовной ответственности нарушителей прав охоты на пушных зверей. Было принято специальное постановление ВЦИК и СНК РСФСР о судопроизводстве в органах туземного управления. Там, где не было возможности полностью обеспечить общий судебный порядок, временно на родовые, тундровые, островные советы и «тузрики» возлагались судебные функции. Это касалось и Бурят-Монгольской АССР. Здесь могли рассматриваться все гражданские дела по семейно-брачным и имущественно-правовым вопросам между представителями одной этнической группы, а также мелкие уголовные дела. Запрещалось рассматривать дела, если одной из сторон выступали государственное учреждение, предприятие, кооператив, а также дела, связанные с интересами государства и должностных лиц. Эти суды освобождались от всех пошлин и сборов, могли применять местные обычаи, если они не противоречили основным положениям советского законодательства [7]. В Бурят-Монголии на один народный суд приходилось 23 тыс. жителей, в Якутии — на территорию в 139 600 км².

XIII Всероссийский съезд Советов 16 апреля 1927 г., рассмотрев проблемы народного просвещения, указал на необходимость «усиления развертывания» национальной сети школ не только посредством перевода преподавания на родные языки в уже существующих школах с русским языком обучения, но за счет строительства новых школ, а в районах с кочевым и полукочевым населением — школ-интернатов.

17—22 мая 1927 г. прошло Всероссийское совещание по всеобщему обучению среди национальных меньшинств. В нем участвовали работники губернских органов образования, ответственные за данное направление, заведующие местными «соцвосами», представители наркоматов просвещения и комиссии по делам

нацменьшинств при ВЦИКе, национальных республик и областей. Решения совещания подразумевали расширение сети школ для групп меньшинств более быстрыми темпами в сравнении с русской школой, а также их ремонта и строительства. Основным методом обучения в школах 1-й ступени было преподавание на родном языке. При этом обращалось внимание на улучшение преподавания русского языка во всех школах «в целях облегчения оканчивающим курс продолжения образования в русских школах повышенного типа, а также для участия их в общественно-политической жизни». Одновременно облегчалось поступление в педагогические учебные заведения представителей меньшинств, им выделялись общежития и стипендии [8].

Большое значение имело закрепление в 1929 г. в пользование каждого рода и управление туземного совета определенной территории; повысилась заинтересованность населения в создании советов, регулировании переселения в их владения, распределении угодий и т.д. Туземные собрания и съезды получили право избирать ревизионные комиссии к советам для контроля их финансовой деятельности, а также назначать туземных исполнителей. Как и в сельсоветах, появлялись секции туземных советов. В 1929 г. работали 125 туземных школ с 3 500 учащимися и 46 медпунктов. Доверие к ним среди населения постепенно формировали специальные поездки председателей советов, пропагандистские мероприятия, в т.ч. антирелигиозного свойства.

Если в первые годы советской власти такие советы занимались распределением кредитов, сбором задолженностей и ходатайствами о снабжении в Центр, то теперь решали практически все вопросы жизни населения, в т.ч. контролировали, направляли и выполняли функции других организаций — кооперативов, хлебозапасных магазинов, обществ взаимопомощи, отраслевых объединений. В районах со смешанным населением туземные райисполкомы подчинялись общему, практиковалось представительство меньшинств на съездах и в исполкомах.

Все туземные райисполкомы имели бюджет, определенный персонал и были призваны решать типичные задачи этого уровня управления, но отсутствие поступлений от населения, освобожденного от всяких сборов и налогов, незначительное финансирование и невнимание вышестоящих структур делали их работу мало-заметной. Во многих регионах даже в одних и тех же районах туземные советы, в отличие от русских и созданных в автономиях для титульных народов, не получали средств для оплаты труда председателей и секретарей.

На 1 марта 1929 г. в Бурят-Монголии было 6 родовых советов. Но везде административно-территориальные границы «разрезали» традиционные культурные и хозяйственные пространства меньшинств. Территории проживания самоедов и эвенков, например, были поделены: первых — между Архангельской губернией и АО Коми-зырян, вторых — между Якутией, Бурят-Монголией, Сибирью и Дальневосточным краем (ДВК) [9].

К концу 1920-х гг. руководители ВЦИК и регионов пришли к выводу, что родовые объединения уже не могут служить основой советского самоуправления на местах. В 1928 г. начались переход на новую систему административно-территориального устройства и создание «новой укрупненной крепкой волости — района». Президиум ВЦИК 28 июня 1929 г. определил условия вхождения автономных республик в состав районных, краевых или областных объединений. Подчеркивалось: «... нужно ведь прямо признать, что советская федерация мыслится как федерация национальностей, а не областей» [10].

С 1928/29 бюджетного года при ЦИКах автономных республик и краевых, областных исполкомах РСФСР вместо уполномоченных создавались специальные комиссии из представителей наиболее крупных меньшинств, а также краевые (областные) отделы. В автономных республиках формировались наркоматы по делам нацменьшинств во главе с членами президиумов ЦИКов. Планировалось также перевести на родные языки делопроизводство в особых

административно-территориальных единицах для меньшинств, а сами эти единицы закончить выделять в 1930 г. В 1929 г. краевые, областные, губернские и окружные исполкомы обязывались организовать более продолжительные и объемные по программе курсы подготовки кадров из групп меньшинств. Подчеркивалась важность обеспечения нормальных условий для всестороннего развития русского и украинского населения как меньшинства в автономиях.

С 1931 г. национально-территориальный принцип организации — низовые и кочевые советы, национальные округа и районы — целенаправленно реализовался на местах. Особое внимание обращалось на создание туземных советов и районов для оседлого и полuosедлого населения по национально-территориальному признаку, для кочевого — по экономическому, в отличие от прежнего родового принципа. В соответствии с решением президиума ВЦИК от 21 мая 1928 г. они должны были содержаться за счет местного бюджета [11].

В целом в ходе административно-территориальных реформ численность низовых органов самоуправления сокращалась: в 1922/23 г. в СССР было более 100 тыс. сельсоветов, к 1930 г. осталось 73 тысячи. «Основные положения об организации сельских советов в Союзе ССР» 1930 года рекомендовали учитывать национальный состав населения при их организации, создавать на местах сельсоветы нацменьшинств [12]. Вплоть до 1936 г. шла централизация системы управления, национальные автономии, районы и советы должны были не только способствовать социально-экономическому подъему малочисленных этнических общностей, но и обеспечивать единство экономики. Упразднение округов, краевых аппаратов также обеспечивало управляемость снизу доверху.

Среди важнейших проблем в этой области была, в частности, подготовка педагогических кадров. Специальное совещание при Наркомпросе РСФСР в 1930 г. отметило, что если в 1928/29 г. обеспеченность по национальным районам составила 79%, то в последующие два года она сократилась до 70 и 51% соответствен-

но к 1930/31 г. Потребность в педагогах была в 9510 чел. Началось открытие педтехникумов — к 1930 г. их число в национальных районах должно было составить 50.

Еще сложнее обстояло дело с «кадрами для подготовки кадров»: в Бурят-Монголию и Якутию было направлено всего по 2 чел., в Ойратию — 1. В целом прием представителей меньшинств в вузы РСФСР вырос в 1929 г. на 93%, в 1930 — на 50. Но из-за слабой успеваемости более 9% этих студентов исключались из вузов, а подготовка на рабфаках расширялась крайне медленно. Для подготовки молодежи из числа национальных меньшинств были снижены требования по производственному стажу на 1 год, курса начального обучения на 1 год. В целом общий удельный вес национальной молодежи на рабфаках соответствовал удельному весу национального населения РСФСР.

31 декабря 1934 г. по докладу Отдела национальностей Президиум ВЦИК постановил отменить специальное бронирование мест в учебных заведениях для коренных народов автономных

республик и областей, а также для нацменьшинств. ЦИКа автономий и центральным ведомствам одновременно было поручено комплектовать учебные заведения по плановой потребности, с улучшением предварительной подготовки выпускников в школах, на рабфаках и подготовительных отделениях [13].

В соответствии с решениями XIV Всероссийского съезда советов было завершено создание национальных сельсоветов. К концу 1933 г. кроме национальных районов с коренным населением в автономных республиках и областях, в РСФСР было образовано 65. Кроме того, насчитывалось около 4 тыс. сельсоветов нацменьшинств. Однако 17 декабря 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение «О ликвидации национальных районов и сельсоветов». Одновременно было принято постановление «О национальных школах», по которому признавалось вредным существование отдельных национальных школ на территории соответствующих республик. Они становились школами обычного типа [14].

Литература:

- Советское строительство. 1926. № 3—4. С. 170—171; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 9. Л. 4—5, 43.
- Ербанов М. Вопросы культурно-национального строительства Бурят-Монгольской АССР // Советское строительство. 1926. № 1. С. 114.
- ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 161. Л. 138; Оп. 120. Д. 102. Л. 2; Оп. 122. Д. 47. Л. 4об-5; оп. 120. Д. 103. Л. 9; И.С. Нацменьшинства Дальне-Восточной области // Власть Советов. 1926. № 37. С. 8, 10.
- ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 3. Д. 188. Л. 7—8, 104, 122—125.
- ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 40—42, 68, 76—78, 119—123, 132, 146, 165, 198, 256, 344—345.
- Власть Советов. 1926. № 41. С. 10—11.
- ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 11. Л. 2—4.
- Культурное строительство в РСФСР. 1917—1927 гг. Т. 1. Ч. 2. Документы и материалы. 1921—1927 гг. М., 1984. С. 278—279, 6; ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 630. Л. 4—5.
- Туземные советы на Севере // Советское строительство. 1929. № 9. С. 108—117; Шипихин В. Создание национально-туземных округов на Дальнем Востоке // Советское строительство. 1929. № 9. С. 94.
- Линевский А. Роль этнографа в советском строительстве Севера // Советское строительство. 1929. № 8. С. 114; Игнатьев В. Национальный момент в районировании // Там же. № 10. С. 62, 67, 65.
- Акимов И. Сельские советы национальных меньшинств // Советское строительство. 1929. № 12. С. 94—96, 75; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 2. Л. 1—5; Аманжолова Д.А. «Горячо живу и чувствую...». Петр Гермогенович Смидович — дворянин и революционер. М., 2006. С. 178.
- О ликвидации округов // Советское строительство. 1930. № 8. С. 4; Зайцев П. Почему упраздняется окружное звено в системе советского аппарата // Там же. С. 8, 16; Акимов И. Новый закон о сельсоветах // Там же. 1930. № 4. С. 5, 9.
- Как обслуживаются нацрайоны и нацменьшинства Наркомпросом РСФСР (По материалам обследования) // Власть Советов. 1930. № 38—39. С. 21—22; ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 130. Д. 1. Л. 11, 52об., 54об-58.
- ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 130. Д. 1. Л. 65, 70—72; РГА-СПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 15; Лоткин И.В. Прибалтийские диаспоры в Сибири (1920—1930 годы). Омск, 2006. С. 260—261.